ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРАВОСУДИИ

Игорь ПАРФЕННИКОВ
соискатель кафедры конституционного и муниципального права РГТЭУ

Понятие «правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации» относится к числу достаточно хорошо изученных в юридической науке. Данное явление рассматривается в целом ряде научных статей, написанных как судьями Конституционного суда РФ, так и видными учеными-конституционалистами. Вместе с тем в российской юридической науке отсутствует единый подход к пониманию правовых позиций Конституционного суда РФ, их месту в правовой системе России, формам и методам воздействия на различные отрасли права, а также юридическую практику.

Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» не содержит легальной дефиниции понятия «правовая позиция Конституционного суда» [1]. Анализ положений закона не позволяет сделать однозначные выводы о природе таких правовых позиций, в том числе об их содержании, формах и методах воздействия на правотворческую и правоприменительную практику. Единственный вывод, к которому можно прийти, – следует признать легализованными лишь правовые позиции Конституционного суда РФ в целом [2].

В российской юридической науке существуют различные подходы к пониманию юридической природы правовых позиций Конституционного суда.

1. Рассматриваются как правовые аргументы или система правовых аргументов, приводимых в мотивировочной части решения суда и закладываемых в основание его итогового решения [3]; как результат анализа аргументов и выводов суда, образующих интеллектуально-юридическое содержание судебного решения, возникающих в процессе толкования конституционных норм и норм отраслевого законодательства [4, 5], и пр.

Такая точка зрения не согласуется с правилом ч. 5 ст. 79 закона, в соответствии с которой правовая позиция, выраженная в постановлении суда, подлежит учету правоприменительными органами. Аргументы, использованные Конституционным судом РФ при изучении вопроса о проверке конституционности закона или иного нормативного правового акта, конечно, могут быть приняты во внимание правоприменительными органами при рассмотрении конкретных дел, которые должны разрешаться на основании закона, признанного не соответствующим Конституции РФ. Однако вряд ли доводы и аргументы, положенные Конституционным судом в основу итогового решения, могут оказать существенную пользу правоприменителям при разрешении конкретных дел. Вместе с тем правовая позиция Конституционного суда как вывод, раскрывающий содержание конституционных принципов, несомненно будет полезен правоприменителю.

2. Рассматриваются как толкование Конституции РФ. В Определении от 7 октября 1997 г. № 88-О непосредственно указывается, что «правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного суда РФ в резолютивной части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц (ст. 6 Федерального конституционного закона “О Конституционном суде Российской Федерации”)» [6]. Аналогичное мнение высказывают Г.А. Гаджиев, С.Г. Пепеляев, О.В. Романова, Б.С. Эбзеев.

Л.В. Лазарев полагает, что правовые позиции Конституционного суда РФ выражают правопонимание конституционных принципов, норм, общепризнанных принципов и норм международного права и в этом контексте – должного конституционного содержания оспоренного законоположения [7].

Интересно в ключе определения роли правовых позиций Конституционного суда РФ мнение С.А. Авакьяна. Он отмечает, что суд отражает не только свою позицию относительно того, соответствует ли конституции смысл нормативного акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой. На деле он нередко формулирует свою позицию и относительно необходимости правильного толкования смысла и содержания самой правовой нормы, дополнения нормы, появления новой нормы, поскольку все это влияет на место правила в нормативном механизме, а не только на формирование соответствующей правоприменительной практики [8].

С учетом проанализированных позиций, проецируя их на уголовную сферу, можно заключить, что правовая позиция Конституционного суда РФ в сфере осуществления правосудия по уголовным делам представляет собой результат толкования судом норм Конституции РФ применительно к положениям Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации. Кроме того, можно выявить ряд признаков, присущих правовым позициям Конституционного суда в сфере осуществления правосудия по уголовным делам. Это: общеобязательность, общий характер, устойчивость, прямое действие. Перечисленные признаки позволили суду в ходе своей деятельности обращаться к проблемам уголовного права и уголовного процесса, формировать важные правовые позиции, которые обогащают предписания УК РФ и УПК РФ, в которых, в свою очередь, отражен принцип верховенства конституции в системе российского законодательства.

Таким образом, правовые позиции Конституционного суда РФ могут использоваться при осуществлении правосудия по уголовным делам только в том случае, если рассматривать их как разъяснение содержания норм Конституции РФ, закрепляющих наиболее общие правила, принципы, основополагающие идеи, положенные в основу уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Основными направлениями использования правовых позиций Конституционного суда при осуществлении правосудия по уголовным делам могут быть следующие:

– уточнение нормативного содержания статьи Уголовного кодекса РФ или Уголовно-процессуального кодекса РФ, соответствующее смыслу и содержанию конституционной нормы, использованной при проверке ее конституционности;

– преодоление коллизии между несколькими нормами (как уголовного или уголовно-процессуального права, так и между нормами, относящимися к различным отраслям права) путем поиска баланса содержащихся в них конкурирующих конституционных ценностей;

– выявление системных связей и зависимости между отдельными нормами правовых институтов уголовного права или уголовного процесса.

Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации подлежат учету не только правоприменительными, но и нормотворческими органами, в том числе при внесении изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Утверждение о том, что выводы Конституционного суда РФ могут

быть распространены и на аналогичные нормы, закрепленные в других законах, следует из его Постановления от 17 декабря 1996 г. № 20-П [9]. Законодатель не вправе принимать решения нормативно-правового характера, противоречащие правовым позициям Конституционного суда РФ, содержащимся в его решениях. Поэтому эти правовые позиции, на наш взгляд, обладают свойствами норм права. Причем, будучи сформулированными Конституционным судом, являющимся официальным интерпретатором Конституции РФ, правовые позиции обладают такими же свойствами высшей юридической силы и прямого действия, как и нормы самой Конституции Российской Федерации.

Следует подчеркнуть особую роль правовых позиций Конституционного суда РФ в развитии правосудия по уголовным делам. Так, с момента возобновления своей деятельности в 1994 г. и до 1 июля 2002 г. – до вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ – было принято 25 постановлений и более 70 так называемых «определений с позитивным содержанием». В указанных решениях были сформулированы правовые позиции, которые в значительной мере предопределили направление развития современного уголовного процессуального законодательства.

Заметим, что и после вступления в силу действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ активность Конституционного суда по проверке его соответствия Конституции РФ и, соответственно, по выработке правовых позиций не уменьшилась: за это время было принято 18 постановлений и около 300 определений, содержащих его правовые позиции в сфере уголовного судопроизводства. В принятых правовых позициях разъяснялось:

– содержание принципов законности – ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 УПК РФ:

а) Постановление Конституционного суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»,

б) Определение Конституционного суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 7 и 123, части третьей ст. 124, ст. 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»,

в) Определение Конституционного суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

– равноправие и состязательность сторон – ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ. Постановление Конституционного суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»;

– содержание прав на достоинство, защиту чести и доброго имени, судебной защиты и презумпции невиновности – ст. 21, 23, 46 и 49 Конституции РФ, во взаимосвязи с основаниями к отказу в возбуждении уголовного дела – ст. 24, 27 и 254 УПК РФ:

а) Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»,

б) Определение Конституционного суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 24, частью четвертой статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»,

в) Определение Конституционного суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 362-О «По жалобе гражданина Сизова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

– содержание прав на неприкосновенность жилища, на занятие избранной трудовой деятельностью, на квалифицированную юридическую помощь – ст. 23, 37 и 48 Конституции РФ, в соотношении с принципом адвокатской тайны, невозможности проведения обыска в служебном помещении адвоката – ст. 7, 29 и 128 УПК РФ:

а) Определение Конституционного суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав ст. 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

– содержание прав на рассмотрение дела судом присяжных и на рассмотрение дела компетентным судом – ст. 20 и 47 Конституции РФ, в соотношении с полномочием коллегии из трех судей рассматривать дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 «Террористический акт», ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 279 «Вооруженный мятеж» УК РФ и др.:

а) Постановление Конституционного суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй ст. 30 и части второй ст. 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда».

Влияние Конституционного суда РФ на развитие уголовного законодательства и практики его применения несколько меньше, но все равно значительно. Так, с 1995 г. по настоящее время им было принято 10 постановлений и около 200 «определений с позитивным содержанием» по делам о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, сегодня сложилась система правовых позиций Конституционного суда в сфере правосудия по уголовным делам, она способствуют дальнейшему развитию и совершенствованию данного вида государственно-властной деятельности, устраняет неопределенность и коллизии норм, восполняет пробелы уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

На этом основании правовые позиции и в целом решения, принимаемые Конституционным судом РФ, должны осваиваться уголовно-правовой и уголовно-процессуальной доктриной и юридической практикой, прежде всего в сфере понимания наиболее общих институтов уголовного права и отдельных его предписаний.

Литература

1. О Конституционном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
2. *Маврин С.П.* Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4.
3. Конституционный судебный процесс. Отв. ред. М.С. Саликов. М., 2003.; Лазарев Л.В. Конституционный суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11; Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации». Комментарий / Отв. ред. Н.В. Витрук, Л.В. Лазарев, Б.С. Эбзеев. М., 1996.
4. *Анишина В.А.* Правовые позиции Конституционного суда России // Российская юстиция. 2000. № 7.
5. *Николаев Е.А.* Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: определение, юридическая

природа, имплементация в правовую систему // Право и политика. 2002. № 3.
6. О разъяснении Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Определение Конституционного суда РФ от 7 октября 1997 г. № 88-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 42. Ст. 4900.
7. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного суда России. М., 2003.
8. *Авакьян С.А.* Конституционный суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1.
9. По делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 1 ст. 11 Закона РФ от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции»: Постановление Конституционного суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 197.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ЛОББИЗМ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сергей КРАМЧЕНКОВ
соискатель степени кандидата социологических наук, РАНХиГС при Президенте РФ

Сегодня интерес к проблеме лоббизма активизирует различные исследования в этом предметном поле, значительная часть которых ориентирована на политологические аспекты – лоббизм в политической жизни общества и в системе государственного управления [1]. Другая часть исследований вводит в проблему взаимодействия экономики и власти на различных уровнях – от общей проблемы «бизнес и власть» до конкретно экономических вопросов об эффективности «вложений» в лобби отдельных компаний и подсчете полученной в связи с этим выгоды [2]. Гораздо реже исследования лоббизма в современной России носят общесоциальный характер и включают в себя более широкие аспекты, например, обращение к культурной или этической стороне российского лоббизма, его институциональности в системе отношений государства и гражданского общества [3].

Ряд таких вопросов был поставлен в авторском социологическом исследовании «Проблемы развития института лоббизма в современной России», первый этап которого реализован в ходе экспертного опроса в феврале 2010 г. В опросе приняли участие 150 представителей органов государственной власти и управления, руководители государственных и негосударственных предприятий, учреждений и организаций, общественных организаций, средств массовой информации, научные работники.

По оценкам экспертов, которые отразили широкий спектр общественного мнения, современный лоббизм в России представляет собой в большей степени вид коррупционных связей (мнение 54,9% опрошенных) и форму слияния интересов власти и бизнеса (41,7%). Меньшая часть экспертов считает лоббизм возможностью выражения гражданами своих интересов (17,6%), а также способом диалога власти и бизнеса, имеющего недостатки (11,8%). Еще 19,6% респондентов отнесли лоббизм к криминализированному сообществу по предоставлению определенных услуг. Примечательно, что только 3,9% экспертов отождествили лоббизм с каналом прямого воздействия общества на власть и 1,9% экспертов назвали лоббизм институтом цивилизованного взаимодействия власти и бизнеса.

Приведенные цифры демонстрируют в целом отрицательную оценку лоббизма. На вопрос, положительным или отрицательным явлением сегодня можно назвать лоббизм в российской действительности, мнения экспертов распределились следующим образом (**рисунок 1**).

Негативная оценка современного российского лоббизма участниками исследования показывает, что он пока практически никак не соотносится с позитивными общественными процессами, в первую очередь – со становлением и развитием гражданского общества. На вопрос, можно ли считать современный российский лоббизм институтом гражданского общества (в общественной теории это именно то, что должен собой представлять «цивилизованный лоббизм»), только 5,9% экспертов высказались определенно «да» и столько же «скорее да, чем нет». Остальные ответили: «скорее нет, чем да» – 33,3%, определенно «нет» – 52,9% (2% опрошенных затруднились с ответом).

Вместе с тем большинство экспертов (64,7%) отмечают, что лоббизм в России не является результатом развития гражданского общества. Четверть экспертов (25,5%) только отчасти считает лоббизм результатом развития гражданского общества в России, а уверены в этом – всего 3,9% (затруднились с ответом 5,9%). Все это говорит о том, что лоббизм далек от гражданского общества, а гражданское общество пока не получило необходимого институционального развития для того, чтобы обеспечить цивилизованные лобби-процессы.

История лоббизма в России пока-

Рисунок 1. Оценка экспертами лоббизма в современной России, %

Рисунок 2. Носит ли лоббизм в России организованный характер, %

